

Первые старты на Селигере

Это сейчас спортивное ориентирование имеет свои традиции, хорошо отработанные правила, методики организации и проведения соревнований, подготовки карт. А ведь все это появилось не сразу, рождалось с трудом, начиналось и проводилось в первый раз, в основном, методом проб и ошибок. Так было и в детском ориентировании, которое теперь твердо стоит на ногах и у истоков которого стояли интересные, увлеченные педагоги и тренеры. Об одном из таких знаковых мероприятий – Кубке России по туризму – я и хочу поделиться своими воспоминаниями.

В 1970-71 гг. в возрасте 24 лет я работал методистом по ориентированию отдела туризма Центральной детской экскурсионно-туристской станции Российской Федерации. Это был период становления нового вида спорта, зимой 1970 года в Перми было проведено 1 зимнее Первенство России по ориентированию среди школьников, с которого и начался отсчет развития этого вида спорта среди детей. Как говорил директор ЦДЭТС РСФСР Виктор Григорьевич Подтыкан, «джина выпустили из бутылки». Ярыми энтузиастами развития ориентирования были заместитель директора Инесса Васильевна Соколова – красивая, умная и энергичная женщина, а также Александр Александрович Бобров, в настоящее время известный поэт. Мы были молодыми, и для нас не стояло никаких преград, тем более что руководство Министерства просвещения РСФСР, в лице заместителя министра Любови Кузьминичны Балясной, поддерживало все начинания Центральной станции, в том числе и развитие нового вида спорта. Ориентирование и ранее включалось в программы туристских слетов, а теперь получило еще мощный толчок, становясь самостоятельным видом. Вследствие этого и родилась идея проведения Кубка РСФСР по туризму, в программе которого были бы традиционные соревнования по технике туризма и большой блок ориентирования: ориентирование по выбору, в заданном направлении. А также военно-спортивная игра «Рубеж», которую в течение многих лет проводили в Челябинской области, и в основе которой лежало ориентирование.

Местом проведения Кубка было выбрано озеро Селигер, поляна на берегу рядом с Николо-Рождком. Для рисовки карт была сформирована бригада из 14 ведущих детских организаторов и тренеров из различных областей России, возглавленная мной, и мы выехали на Селигер. Для обслуживания этой бригады были направлены члены моего кружка «Юные судьи», пятнадцати человек, среди которых были известные позже многим ориентировщикам совсем юный Валентин Мыльников (Люберцы) и Наталья Колесова (Москва, ныне ведущий тренер России – Марасанова).

Для рисовки остановились на двух районах – непосредственно на месте проведения Кубка и в районе деревни Неприе, около памятника «Пушка». Я сумел достать основу – топографическую карту масштаба 1:50000 и частично, на небольшую площадь, – план землеустройства. А по факту нам пришлось рисовать с «белого листа», особенно в районе пушки. По прошествии многих лет мне несколько раз приходилось бывать в тех местах, и с высоты своего опыта и возраста мне было непонятно, как я мог остановиться на районе Неприе, одном из самых тяжелых не только для бега, но и просто для движения. Проводить там соревнования для детей было чистой авантюрой, но, слава богу, в то время я об этом даже не догадывался. Мы разбили на две бригады и начали рисовать. Мне довелось руководить бригадой, рисовавшей район Неприе. Местность оказалась сложнейшей: таежный бурелом, единственная заросшая просека и такая же одна дорога, отсутствие троп, резко обозначенные болота, небольшие по площади, а главное – мелкосопочный рельеф – бугры и ямы высотой на склоне до 30 метров.

От места нашего полевого лагеря бригада добиралась до входа в район более шести километров в один конец пешком, проходя каждый раз через территорию турбазы «Чайка». Назад возвращались в то время, когда там начинались танцы. Нас было пять молодых парней, самому старшему было немногим за тридцать, поэтому наше появление вызывало у женского населения определенный интерес, звучали приглашения, но мы стойко проходили мимо. На третий день вечером у костра кто-то из другой бригады, работавшей на месте проведения Кубка, робко предложил: «Мужики, а может быть, сходим на танцы, ведь там одни женщины». На это Владимир Иванович Тыкул, один из самых авторитетных наших тренеров, талантливый наставник по многим жизненным вопросам, мрачно жуя манную кашу, приготовленную моими детьми, выдал следующий экспромт:

*«На женщин мы теперь и не глядим,
усталость отбивает всю охоту.
Мы лучше манной каши поедим,
и спать пойдём – ведь утром на работу».*

Поняв, что если даже такой важный фактор как женщины уже не действует, принимаем решение переехать непосредственно в район рисовки и жить там. Взяв с собой трех самых шустрейших кружковцев, за которыми был нужен надзор и которые должны были «в ссылке» готовить нам еду, мы перебрались к пушке и разбили там свой небольшой лагерь. Через три дня я решил ребят сменить, а также посмотреть, как живут мои остальные дети, чем занимаются.

Картина, которую я увидел, запомнилась надолго. В самом центре лагеря на земле стоит байдарка, вокруг которой толпятся мои дети. У байдарки сидят Володя Калугин из Кургана и Тыкул, которые методично

бросают в байдарку удочки и выуживают из нее рыбу. Оказывается, местные рыбаки, вытянули невод и продали нашим несколько ведер живой рыбы. Чтобы рыба не испортилась, Владимир Иванович наполнил одну из наших байдарок водой из озера и выпустил туда всю имеющуюся рыбу. И вечером, после работы, под восхищенные возгласы болельщиков устроил соревнования по ловле рыбы.

Итогом нашей двухнедельной работы явились две карты масштаба 1:25000, большой площади, довольно-таки по тем временам неплохие, во всяком случае, нареканий на их качество не было.

На сам Кубок прибыли более восьмидесяти команд из всех регионов России и большинства союзных республик, причем уровень их подготовки был очень разным. Так в составе сборной Ленинграда были сильнейшие ориентировщики, в том числе чемпион России Сергей Кузнецов, а участники команды Калмыкии первый раз попали в лес, да еще в такую тайгу. Увидев такую пестроту интересов и поняв, чем это для нас грозит, мы стали срочно решать вопрос облегчения дистанции. И даже, сократив ее почти на треть, не были уверены, что большинство участников ее закончит. Комендантский взвод состоял в большинстве из моих детей, поэтому я дал ориентировщикам карты со спланированными дистанциями для девушек и юношей, и они должны были нарисовать свой предполагаемый путь прохождения дистанции. Для нас стало неожиданным, что их логика движения совсем не совпала с нашей, пришлось срочно не только еще раз сокращать дистанции, но и менять их рисунок. Запустив их на эти измененные трассы для контрольного прохождения, определили контрольное время – три часа. Для того чтобы отсечь совсем уж неподготовленных, мы установили контрольное время в два часа на прохождение третьего КП (примерно половина дистанции), и тех участников, которые в него не укладывались, решили дальше не выпускать. На совещании представитель Рязанской области Юрий Чернов попробовал оспорить это решение, но я заявил, что судейская коллегия считает – если участник не успел пройти за установленное время этот КП, то он технически неподготовлен и в соответствии с правилами может быть снят.

Надо отметить, что все дни Кубка стояла отвратительная погода – похолодало, почти все время лил дождь. Не стал исключением и день проведения соревнований в заданном направлении. Участников и судей к старту, который давался в районе пушки, доставили на теплоходе, причем привезли на час раньше. А держать массу детей (около пятисот человек) под холодным дождем нельзя, надо давать старт. Не успев перекусить, мы бегом разводим контролеров с радистами, помогаем оборудовать старт и финиш. Наконец даем раньше запланированного времени старт, и конвейер заработал. Главный судья Кубка Ефим Пистунович из Калинина встречает меня недалеко от старта словами: «А ты настаивал, чтобы судей привезли еще с вечера. Видишь, успели даже старт раньше дать, все идет хорошо». В ответ говорю: «Да успели, но я еще никогда не видел, чтобы на старте карты участникам выдавала заместитель министра». Любовь Кузьминична Балясная, которая была на Кубке все дни и жила в палатке, правда в большой, увидев, что в сумятице мы не можем найти свободных судей, взялась помочь и была допущена к работе на старте до тех пор, пока Пистунович не нашел ей замену.

Старт идет под проливным дождем, холодно, тентов и укрытий нет, стоять на месте просто неприятно, и Балясная предлагает показать ей на нескольких КП, как работают на дистанции дети. Свой компас я кому-то отдал, но мы находимся в районе, который я сам рисовал, поэтому предлагаю пройти два первых КП на дистанции девушек, с чем она соглашается. За нами увязывается корреспондент «Советского спорта» – крепкая женщина со значком «Мастер спорта СССР», и мы выходим на дистанцию. Первый КП стоит недалеко от старта на вершине холма, выходим на него сразу, наблюдаем, как работают девочки. До второго КП также недалеко, не более 400 метров, но идти надо по азимуту, и хотя компаса нет, я уверенно иду в нужном направлении. Мои сопровождающие неспешным шагом идут метрах в пяти сзади меня, рассуждая о проблемах детского спорта, а я пытаюсь выбирать путь полегче, чтобы не надо было перелезть через огромные мокрые, лежащие на земле ели. Таким образом, двигаемся более десяти минут, и тут меня начинают одолевать сомнения – КП до сих пор нет, да и участников почти не видно. Продолжая движение, пытаюсь хотя бы сориентировать карту на север, на озеро, но, как назло, не слышно ни одного звука моторной лодки, которые всегда, когда не надо, спуют по озеру. Небо серое, низкие тучи, дождь, мелкий, закрытый таежным лесом рельеф. Я впервые попадаю в такую ситуацию, но страха пока нет, есть чувство досады и стыда за то, что на своей карте не могу понять, где же я нахожусь, тем более в таком сопровождении. Пытаюсь незаметно определить север по мху на деревьях, но древние ели укутаны им со всех сторон, никакой закономерности не видно. Понимаю, что заблудился, но вида стараюсь не подавать, тем более что женщины заняты разговором и не смотрят по сторонам. Продолжаем двигаться дальше и вдруг Балясная спрашивает: «Юра, а мы не заблудились, ведь ты говорил нам идти минут десять, а мы двигаемся уже больше получаса». И тут мы вдруг выходим на единственную в этом районе тропу, и я понимаю, что моя репутация спасена. Я знаю, что тропа восточным концом упирается в финишное поле, а западным в болото, рядом с которым находится второй КП дистанции мальчиков, и поэтому в любом случае мы придем к людям. Но, понять, в каком направлении двигаться по тропе, я не могу, т.к. не могу сориентировать карту. Мимо по тропе в обоих направлениях спуют дети. Увидев заместителя министра, прибавляют ходу, а остановить кого-нибудь и взглянуть на его компас мне не позволяет профессиональная гордость.

«Любовь Кузьминична, можно я немного пробегу, иначе на такой скорости я не могу думать», – говорю я и, получив согласие, бегу по тропе влево, а они, не спеша, идут в этом же направлении. Пробежав метров триста, упираюсь в хорошо знакомое болото, а от него рукой подать до второго КП мальчиков.

Уверенно возвращаюсь назад и вывожу на КП Балясную и корреспондентку, которые видят на призме второй номер, но не догадываются, что я вывел их уже на мальчишескую дистанцию. Балясная спрашивает: «А за какое время участники пробегают этот отрезок?» и получив мой ответ: «Минут за десять» с уважением смотрит на очередного пацана, который одной рукой пытается штампом отметить в карте, а другой подтягивает намокшие и сползающие тренировочные штаны.

В это время я по радиации связываюсь с Альбертом Юрченковым (директором Горьковской ДЭТС) который является старшим судьей финиша: «Альберт, я с Балясной на втором КП мужской дистанции». И на его недоуменный вопрос: «Как вы там оказались?», прошу: «Позже объясню, а сейчас гони по тропе спасательный газик нам навстречу». И уже через полчаса мы были на финише.

В моей практике это был первый случай, когда я заблудился, и это чувство беспомощности перед лесом, природой осталось в моей памяти навсегда. После этого был еще подобный случай, но там я был один и отвечал только за себя, не надо было «держаться марку». А Любовь Кузьминична, видимо, тоже запомнила этот случай, поняв, что мы заблудились. Сейчас я понимаю, что когда в 1982 году встал вопрос о назначении директора ЦДЭТС России, это она пригласила на эту должность меня, работавшего в то время в Центральном совете по туризму и экскурсиям.

После почти трехчасового нахождения Балясной в лесу ее быстро погрузили в машину и увезли в лагерь, а я вышел обратно на дистанцию, решив посетить наш третий КП, на котором шел контроль времени прохождения участников. Подходя к району КП, я услышал гул голосов и увидел запоминающуюся картину. Вниз по склону холма спускается начальник дистанции Валерий Суровиков, а за ним длинная цепочка участников. Он выстраивает их на дороге, заставляет пересчитаться, их более шестидесяти, и в голове этого отряда идет на финиш.

На КП сидит Николай Бурлинов (Раменское) со стартовыми протоколами, и каждый участник, перед тем отметить, должен сверить у него свое время прохождения и, если оно превысило два часа, то дальше он просто не выпускается. Вижу, как рядом с КП переминаются с ноги на ногу двое пацанов, которые задают Николаю вопрос: «Дяденька, сколько еще осталось до двух часов?». Он отвечает: «Еще три минуты, ждите», а мне поясняет: «Таких много, которые сами не хотят сойти, а ждут, когда их снимут за превышение времени, так им будет легче объясняться с командой и тренером».

Этот КП сыграл для нас неоценимую роль, однако поиска заблудившихся избежать не удалось, да этого мы и ожидали при таком количестве стартовавших, разнице в их подготовке, сложности местности и погодных условий. Район соревнований имел природные ограничения с трех сторон, а с четвертой была хорошо заметная, но узкая просека. Мы отмаркировали ее красной бумагой и выставили заградотряд, который отловил немало желающих убежать за нее, но одну участницу все-таки не заметили. Уже около шести часов вечера стало известно, что на финише и в лагере нет одной девочки. Я не помню, из какой она была команды, но то, что ее звали Галей, запомнил на всю жизнь. По протоколам было установлено, что она пропала после второго КП, значит, решили прочесывать лес между вторым и третьим контрольными пунктами. В спасательный отряд вошли служба дистанции и ряд взрослых ориентировщиков. Желание принять участие в поисковых работах выразил также секретарь Калининского обкома партии, которого поставили с краю рядом с Юрченковым.

Дождь по-прежнему не утихал, быстро смеркалось, и нам пришлось очень непросто. Наша цепь, пятнадцать участников которой двигались на расстоянии прямой видимости метрах в десяти друг от друга, начала прочесывать лес, сначала по пути движения участников, потом на особо сложных участках. Я был поражен тем, что, несмотря на запрет продвижения по болотам и нелогичность движения по ним, почти все они были истоптаны и покрыты тропами, сделанными участниками. Мы двигались по лесу, непрерывно крича: «Гая! Выходи на голос!». И так продолжалось несколько часов, пока не стемнело. И тут в темноте голосом Владимира Ивановича Тыкула прозвучало: «Гая!... Только попробуй выйти!», и сразу же стало ясно, что поиски ни к чему не привели.

Параллельно с нашими действиями Балясная, видимо памятуя о нашем блуждании по дистанции, организовала кипучую деятельность в лагере. По районному радио начала даваться информация о пропаже участницы, из Калинина на раннее утро были заказаны армейские вертолеты, а из представителей команд был сформирован большой поисковый отряд, который вооружился факелами и был готов выходить на поиски. И тут в лагере уже в темноте появилась Галя, которая рассказала, что она ушла за отмаркированную просеку и, проделав путь более пятнадцати километров, переходя их одной деревни в другую, самостоятельно пришла в лагерь, сразу же став героиней дня.

А в это время в темноте наша группа вышла на берег озера, мне надо было принимать решение, что же делать дальше. И тут за озером, где находится лагерь участников, начинают пускать ракеты, что по договоренности означает – пропажа нашлась. Мы же, весь день проведенные под непрекращающимся дождем, вымотанные до предела, даже не можем слова сказать, никаких эмоций. Нас ожидает санитарный УАЗик, и я даю команду всем грузиться в него. В это время кто-то говорит: «А ведь секретаря обкома нет, неужели потеряли». И точно, нет его и Альберта Юрченкова, что сразу же успокаивает. Слышали их крики в цепи недавно, когда уже шли в сторону озера, Альберт – опытный ориентировщик, выведет, ну а за секретарем машину уж точно пришлют.

С этими мыслями загружаемся в машину и уезжаем в лагерь.